

О. А. Янутиш

Победитель конкурса поддержки публикационной активности молодых исследователей (проект 3.1.2, ПСР РГПУ им. А. И. Герцена)

КУЛЬТУРА БУДУЩЕГО И ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Описываются тренды развития образования, сформулированные в форсайте «Образование — 2030», и возможные негативные последствия их реализации для культуры в целом. Выявленные противоречия призваны обратить внимание культурологического сообщества на наиболее острые проблемы, вызванные несоответствием между тенденциями развития современной культуры и стратегиями реформирования системы отечественного образования.

Ключевые слова: мультикультурализм, сепаратизм, внесистемные формы обучения, социализация, самореализация, типы мышления.

О. А. Yanutsh

Culture of the future and futurological conceptions of education system development

The article presents a description of the key trends of educational system development stated in the Foresight “Education 2030” and possible negative consequences they may cause. The antagonisms have been revealed which should draw cultural studies experts’ attention to the crucial burning issues caused by the discrepancy between the modern tendencies of evolution of culture and the strategies of educational system reformation.

Keywords: multiculturalism, Separatism, off-system educational institutions, socialization, self-actualization, types of thinking.

С 2010 года Агентство стратегических инициатив активно разрабатывает форсайт «Образование — 2030». Как отмечают авторы, «это карта достаточно вероятных событий, которые могут произойти в обозримом будущем и которые важно учитывать для принятия решения в настоящем... Перечисленные в форсайте тренды и события не выражают позицию создателей и экспертов

форсайта относительно желаемого будущего!» [2]. Другими словами, это то, что может произойти с системой образования при сохранении курса на удовлетворение «вызовов времени». Наряду с совсем уж фантастическими прогнозами — «алмазными букварями» (персональными образовательными системами с искусственным интеллектом); обучением в группах, связанных

нейросетью; использованием «телесных» интерфейсов (прототип: MIT MediaLab Sixth Sense) [2] — большинство указанных трендов действительно являются логическим развитием наметившихся в последние годы тенденций. Перечислим некоторые из них:

1. Замена «традиционной» школы множеством внесистемных форм обучения, усиление роли клубов и сетевых «Дворцов пионеров», превращение школы в пространство игры (с активным использованием компьютерных игр, учебных систем на основе «дополненной реальности»), создание «глобальных классов», для занятий детей из разных стран по надпредметным навыкам (толерантность, развитие связей). В совокупности с подходом ««Деньги следуют за учеником» во всей сфере образования, включая дополнительное (в том числе введение именного счета учащегося)» [2], и с легитимизацией индивидуальных образовательных траекторий, это дает основание П. Лукше — одному из главных создателей проекта — сделать следующий вывод: «Старой школе и старому университету нет места в мире будущего. Человек сможет собирать свое персональное образование без традиционных институтов. Я не исключаю, что в 2030 году постоянное обучение в школе или вузе станет уделом неудачников. Про таких будут говорить: “Он не смог сам сконструировать свое образование...”» [4].

2. Формирование ««Культуры самостоятельности»»: развитие форм ранней социализации, включающих во взрослую жизнь»; появление школ-технопарков и корпоративных учебных центров, молодежных бирж труда; «трудовое портфолио» учащихся как основной компонент оценки [2].

3. Школьное образование «с фокусом на “форматы мышления”» и новые университеты как «холдинги» студентов, «с фокусом на формирование команд»; замена традиционного учителя на «дальнего друга», «аватара» и «другие формы ИКТ-решений для наставников», взаимное обучение «учителя» и «ученика» [2].

В свете тех проблем, которые сейчас стоят перед большинством школ (особенно сельских), предлагаемые концепты иначе как футурологическими фантазиями назвать довольно сложно. Но если допустить, что экономическая ситуация в стране позволит выделить необходимый бюджет для их реализации, а политическая элита будет заинтересована в таком творческом и прогрессивном развитии граждан; если допустить, что во всех регионах страны учащиеся действительно будут иметь равные возможности доступа к необходимым техническим средствам, а система дальнейшей профессиональной самореализации будет строиться исключительно на конкурентных преимуществах, без коррупционной составляющей и распределения должностей и мест «по благу», можно ли, при всех этих допущениях, считать сценарий развития, предлагаемый в 20 трендах форсайта «Образование — 2030», оптимальным?

Подавляющее число исследований, посвященных поиску выхода из кризиса, возникшего в системе образования, строится на анализе компетенций, необходимых ребенку для успешной социализации и самореализации в культуре будущего (пусть и отдаленной всего на десятилетие-полтора). Однако формирование такой новой «доминантной идентичности» [5], в свою очередь, не сможет не вызвать определенных изменений и в самой системе культуры. Разработчики данного форсайта отмечают, что «государство и общество может поддерживать или блокировать эти возможности» [2]. И для принятия подобного решения, на наш взгляд, требуется тщательная экспертиза тех последствий, к которым они могут привести.

Первый круг вопросов связан с декларируемой свободой самоопределения личности. В целом это соответствует установкам современной экзистенциально-персоналогической образовательной парадигмы [3]. Однако идея построения гармоничного общества через абсолютизацию свободы без

каких-либо механизмов внешнего регулирования представляется достаточно утопичной. Для того чтобы система самостоятельного выбора образовательного маршрута была эффективной, требуется высокий уровень ответственности и самосознания не только самого ребенка, но и его родителей. Существующий же разрыв в социальном и интеллектуальном уровне различных слоев населения может усугубить дефрагментацию социокультурного пространства страны и может привести к формированию новых элит и к росту числа асоциальных элементов.

С другой стороны, в философско-культурологическом знании свобода всегда понималась как необходимое условие творчества и поиска истины. В рассматриваемой концепции её обеспечению призван служить отказ от унифицированного (по формам и по содержанию) процесса обучения. Но на смену приходит унифицированность цели — оказаться востребованным для определенных корпораций и добиться личного (профессионального и финансового) успеха. Безусловно, эту цель и так преследует большинство людей. Однако никогда раньше она не становилась *самоцелью* образовательного процесса. До сих пор образование стремилось к формированию некоторого круга знаний, навыков и представлений о способах и методах их использования. В предложенной же концепции акцент смещается на преимущественное освоение практик получения социального одобрения. На сегодняшний день подобные практики широко распространены в социальных сетях — собирание «лайков», комментариев и «перепостов» становится главным критерием оценки значимости размещенной информации. В этом же ряду, по большому счету, находится и оценивание трудов ученых по количеству цитирований. Как отмечает А. Я. Флиер, «за последние полвека радикальным образом возросла в своей социальной значимости целеустановка на культурную саморепрезентацию и манифе-

стацию человека, в какой-то мере начавшую превосходить и его стремление к непосредственной социально-профессиональной самореализации» [5]. Введение портфолио в качестве основного способа оценки достижений личности приведет к еще большему развитию этой тенденции. На смену поиску истины приходит потребность постоянной социальной самоактуализации, и свобода становится в лучшем случае просто бесплодной, а в худшем — ведет к экзистенциальному отчуждению.

Второй круг вопросов возникает при анализе того, к каким последствиям для культуры может привести «ставка» на тот тип личности, который предполагает в качестве идеала рассматриваемая концепция. Активность, коммуникабельность, высокая динамика реакций, способность учиться самостоятельно (без личного контакта с наставником) — являются не столько приобретенными навыками, сколько чертами определенного склада психики, нервной системы. Практико-ориентированный характер деятельности, работа в команде, необходимость участия во всевозможных конкурсах и проектах (о чем уже говорилось выше) предполагают именно его. А как быть людям, склонным скорее к созерцанию, чем к активной деятельности; к индивидуальной, а не к командной работе; к тщательному анализу, а не «мозговому штурму»; к обучению в процессе межличностного общения и дискуссий, а не «прослушивания» курсов в он-лайн университетах (пусть даже в записи ведущих мировых специалистов)? Создатели форсайта «Образование — 2030» отмечают возможность «психоразрыва», связанного с разделением «пользователей и не-пользователей когнитивных продуктов» [6]. Конечно, всему можно научиться, было бы желание. Однако в действительности речь идет о не востребованости определенного типа мышления, причем именно того, который тяготеет к системной и последовательной аналитической работе, а следовательно, — в значительной степени обеспе-

чивает проведение фундаментальных исследований. Связанные с этим угрозы развитию культуры представляются достаточно очевидными.

Наконец, третий круг вопросов связан с задачей сохранения целостности культуры, одним из механизмов решения которой традиционно выступало образование. В большинстве современных культурологических исследований отмечается кризисное состояние современного общества и прогнозируется глобальная социокультурная катастрофа, которая может произойти в ближайшем будущем, если не будут переосмыслены основные векторы и механизмы развития культуры (см. работу [1]). Разочарование в политике мультикультурализма на Западе и небывалый рост национализма в России при постоянном увеличении как внутренней, так и внешней миграции, требует новых стратегий обеспечения конструктивного взаимодействия всех субъектов общества. Утопическая идея мира без границ, построенного на формах «сетевой саморегуляции общества» [2], разбивается о все возрастающее напряжение между различными религиозными, этническими и пр. группами. На сегодняшний день система среднего общего образования хорошо или плохо, но пытается справиться с задачей формирования единого мировоззренческого поля, представлений о законах развития культуры, о взаимодействии различных культур в фор-

мировании культуры мировой. Хорошо известно, что уже сейчас большинство мигрантов предпочитают получать образование, а затем и работать в рамках своих диаспор. Реализация трендов, заявленных в форсайте «Образование — 2030», может усугубить сложившуюся ситуацию и вызвать крайне деструктивные последствия: замыкание на религиозном образовании и отрицание ценностей европейской культуры, усиление конфронтации и сепаратизма вместо интеграции.

Изложенные опасения не призваны доказать несостоятельность прогнозируемых изменений или, тем более, призвать к сохранению системы образования в имеющемся на данный момент виде. Мы лишь попытались указать на явное противоречие: с одной стороны, тенденции развития современной культуры воспринимаются в научном сообществе с большой долей пессимизма, а, с другой стороны, реформирование образовательных институтов и практик направлено на подготовку будущих выпускников в соответствии с требованиями именно этих тенденций. Выходом из получившегося замкнутого круга должна стать разработка комплексной системы «сдержек и противовесов» в определении содержания, форм и методов обучения и воспитания, что обеспечит естественное и многогранное развитие современного типа культуры, но не приведет к наступлению новых «тёмных веков».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. На пути к культурной парадигме современного образования: Ученые записки / Редкол.: А. Я. Флиер и др. СПб.: СПбГУП, 2011. Вып. 1. 576 с.
2. Образование — 2030: Дорожные карты будущего. Результаты первого российского этапа исследования. URL: <http://www.slideshare.net/MetaverMedia/2030-8031807> (дата обращения — 25.09.2013).
3. Романенко И. Б. Экзистенциализм и персонализм: определение образовательных идеалов XXI века // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2005. № 5. С. 59–65.
4. Тарасевич Г. Школа завтра не нужна. Каким будет высшее и среднее образование через 20 лет // Русский репортер. 2013. № 34 (312). С. 20–26.
5. Флиер А. Я. Феномен культурологии: опыт новой интерпретации // Обсерватория культуры. 2011. № 2. С. 4–19.

6. Форсайт «Образование–2030». URL: <http://www.asi.ru/foresight/education2030/> (дата обращения — 25.09.2013).

REFERENCES

1. Na puti k kul'turnoj paradigme sovremennogo obrazovanija: Uchenye zapiski. Vyp. 1/ Redkol.: A. Ja. Flier i dr. SPb.: SPbGUP, 2011. 576 s.
2. Obrazovanie–2030: Dorozhnye karty budushchego. Rezul'taty pervogo rossijskogo jetapa issledovanija. URL: <http://www.slideshare.net/MetaverMedia/2030-8031807> (дата обравенija — 25.09.2013).
3. Romanenko I. B. Ekzistentsializm i personalizm: opredelenie obrazovatel'nyh idealov XXI veka // Izvestija rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. 2005. № 5. S. 59–65.
4. Tarasevich G. Shkola zavtra ne nuzhna. Kakim budet vysshee i srednee obrazovanie cherez 20 let // Russkij reporter. 2013. № 34 (312). S. 20–26.
5. Flier A. Ja. Fenomen kul'turologii: opyt novoj interpretatsii // Observatorija kul'tury. 2011. № 2. S. 4–19.
6. Forsajt «Obrazovanie–2030». URL: <http://www.asi.ru/foresight/education2030/> (дата обравенija — 25.09.2013).

М. Л. Голкова

Победитель конкурса поддержки публикационной активности молодых исследователей (проект 3.1.2, ПСР РГПУ им. А. И. Герцена)

ОБРАЗЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПОЛЕ

Анализируются особенности информации о благотворительной деятельности, представляемой современными российскими СМИ. Отмечен неоднозначный и противоречивый характер этой информации, что свидетельствует о фрагментарности информационного поля и соответственно о существовании нескольких образов благотворительности, не соответствующих традиционному восприятию этого феномена общественным сознанием.

Ключевые слова: благотворительность, информационное поле, СМИ, общественное сознание.

М. Golkova

Images of Charity in the Modern Information Field

In this article the specific features of information about charity activities represented by modern Russian media are regarded. A contradictory content of this information gives evidence of a fragmented character of information field where the several charity images are available. These charity images are not corresponding to public opinion.

Keywords: Charity, information field, mass media, public opinion.

В настоящее время о благотворительности много говорят и много пишут, о её существенных основах дискутируют философы и

культурологи, различные аспекты благотворительной деятельности исследуются представителями таких научных дисциплин, как